

О ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛУОСТРОВА АБРАУ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА*

Культурно-этническая принадлежность и этногенез обитателей причерноморской части предгорий Северо-Западного Кавказа длительное время остается объектом дискуссий. В основе порой диаметрально противоположных выводов – особенности погребальных конструкций окрестностей Анапы – Новороссийска (полуостров Абрау) в эпоху раннего железа. Систематизация данных о сооружении погребальных конструкций РЖВ позволяет проследить связь с традициями населения полуострова Абрау бронзового века, для которых характерно широкое применение камней в погребальных сооружениях.

Заметная ломка древних традиций, связанная с вытеснением и ассимиляцией аборигенного населения, получила развитие не позже середины IV в. до н.э. по мере распространения в регионе влияния Боспорского государства. На археологическом материале фиксируется формирование местной эллинизированной элиты и освоение степных пространств Анапской долины выходцами из районов Прикубанья, которые принесли обряд захоронения в грунтовых ямах и подбойных гробницах. К рубежу эр эта погребальная культура стала канонической практически для всего полуострова Абрау. Только на некрополях юго-запада региона она причудливо переплелась с традициями аборигенного населения предгорий.

Ключевые слова: погребальный обряд, Боспорское государство, гробница, ранний железный век, предгорья, Северный Кавказ

DOI: 10.14258/tpai(2020)4(32).-05

Введение

Причерноморская часть предгорий Северо-Западного Кавказа – единый геоморфологический район, получивший название полуостров Абрау. Первые упоминания об этом регионе в древности, а следовательно, и появление обитавшего там населения на исторической арене связано с освоением северокавказского побережья Черного моря древними греками. Наиболее тесные взаимоотношения греческие колонисты установили с миролюбивыми синдами [Блаватский, 1985, с. 55–58], с тех пор их политическая история неразрывно связана с историей Боспорского государства [Polyaen, Strateg., 8, 55].

Благодаря исследованиям захоронений в каменных ящиках в окрестностях хут. Рассвет (Анапская долина), которые были начаты Ю.С. Крушкол, были получены материалы об археологической культуре обитателей предгорий в эпоху раннего железа (VII–IV вв. до н.э.). Исследованиями Анапской экспедиции ИА РАН некрополей Красная Скала и Красный Курган (1973–1976 гг.) ареал синдских некрополей удалось расширить на север, до долины реки Гостагайка. Расположенные на естественных возвышенностях каменные ящики были также заключены в кольцевые кромлехи [Алексеева, 1991]. Открытый в окрестностях пос. Вестник некрополь отодвинул границу ареала синдских некрополей в долину реки Кубань [Сударев, 2013, с. 85–90].

По сведениям древних авторов, в VI–I вв. до н.э. на территории от Горгиппии (Анапы) до Торика (Геленджика), юго-западнее синдов, обитали племена керкетов и торетов [Ps.-Skyl. 72–75; Strabo XI 2, 1; Plin. NH. VI. 17]. Причем, согласно Псевдо-Скилаку (IV в. до н.э.), керкеты живут ближе к Синдской гавани, далее тореты и эллинский город Торик с гаванью [Ps.-Scyl., Peripl. 72–75]. О географической близости

* Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований (проект №17-29-04313/18 от 06.11.2018 «Цифровые технологии (3D визуализация) в реконструкции древностей полуострова Абрау: антропогенный ландшафт и палеопопуляции»).

этой территории к Боспору свидетельствует и титулатура боспорских правителей IV в. до н.э. [КБН 6, ба, 39, 40, 1014, 1037, 1038, 1042]. Отсутствие упоминания керкетов объясняет, возможно, сообщение безымянного перипла о том, что керкеты и тореты являлись единой этнической общностью [Аноп., PPE, 63, 65.].

В 1970–1980 гг. начаты системные исследования аборигенных керкето-торетских некрополей в долинах горных рек Абрау (Большие Хутора), (Широкая Балка), Цемесская долина (Золотая Рыбка), а также на черноморском побережье (Лобанова щель) и в Цемесской бухте (Шесхарис) и южной части полуострова Абрау. Мощные делювиальные отложения законсервировали первозданную форму кольцевых кромлехов, которые оказались довольно высокими кладками.

Наиболее насыщенной памятниками аборигенной погребальной культуры оказалась Цемесская долина (Владимировка, Цемдолина, Кириллов поворот) и Широкая Балка [Малышев, Батченко, 2018, табл. 1].

Материалы и методы

Культурно-этническая принадлежность и этногенез обитателей причерноморской части предгорий Северо-Западного Кавказа длительное время остается объектом дискуссий. В частности, по мнению Ю.С. Крушкол [1970, с. 39–41], синдские погребальные памятники – каменные ящики внутри кольцевых обкладок – имеют местные, кавказские корни, продолжая традиции сооружения каменных кромлехов, известных по раскопкам курганов эпохи бронзы.

Вместе с тем вслед за И.С. Каменецким [1989, с. 227, карта 16.-II] Е.М. Алексева [1991, с. 35] считает аборигенное население окрестностей Синдской Гавани – Горгиппии составной частью единого этнического массива – носителей меотской культуры, расселившегося широко, от Центрального Предкавказья до причерноморского побережья. Развивая гипотезу об общем, протомеотском культурном субстрате, А.И. Иванов [2016, с. 266] вынужден признать, что древности племен полуострова Абрау обладают всеми признаками самостоятельной археологической культуры.

Не раз отмечались явные параллели между погребальными сооружениями крымской мегалитической (тавры) и кизил-кобинской культур с гробницами эпохи раннего железа предгорий Северо-Западного Кавказа [Ольховский, 1982, с. 65–79; Масленников, 1995, с. 57], что позволило высказать предположение об их кавказском происхождении [Лесков, 1965, с. 146].

Обращается внимание на то, что в основе порой диаметрально противоположных выводов – особенности погребальных конструкций региона окрестностей Анапы – Новороссийска (полуострова Абрау) в эпоху раннего железа. В предлагаемом исследовании предпринята попытка систематизировать данные о традициях сооружения погребальных конструкций.

Результаты и обсуждение

Особое значение для понимания происхождения погребальных сооружений эпохи раннего железа имеет открытие и исследование могильников в устье рек Мысхако (рис. 1.-1) [Дмитриев, 1979; Онайко, 1979] и Дюрсо (рис. 1.-2) [Кононенко, 1982]. Они расположены на своеобразных террасах, которые прорезали простирающиеся на восток, к черноморскому побережью, скальные отроги. На датировку комплексов – в пределах эпохи бронзы – обычно безымянных захоронений указывают позы погребенных: в виде «пакета», в сильноскорченной или среднескорченной позе (рис. 2).

Наиболее распространенная и, судя по стратиграфии, ранняя разновидность погребальных сооружений эпохи бронзы – это ямы овальной либо округлой формы. Пространство внутри контура из уложенных плашмя кусков плитняка зачастую было засыпано мелкой галькой (рис. 2.-1). Данные о том, был ли этот контур основанием примитивной кольцевой кладки, отсутствуют.

Разнообразны погребальные сооружения, в которых плитняк зафиксирован в вертикальном положении. В частности куски установленного вертикально плитняка ограничивали каменную вымостку

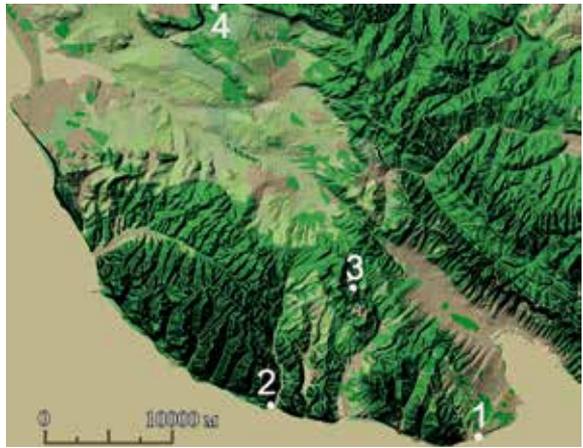


Рис. 1. Аборигенные захоронения эпохи бронзы и рубежа эпохи бронзы РЖВ: 1 – Мысхако; 2 – Дюрсо; 3 – верховья р. Озерейка; 4 – Даниленкова поляна

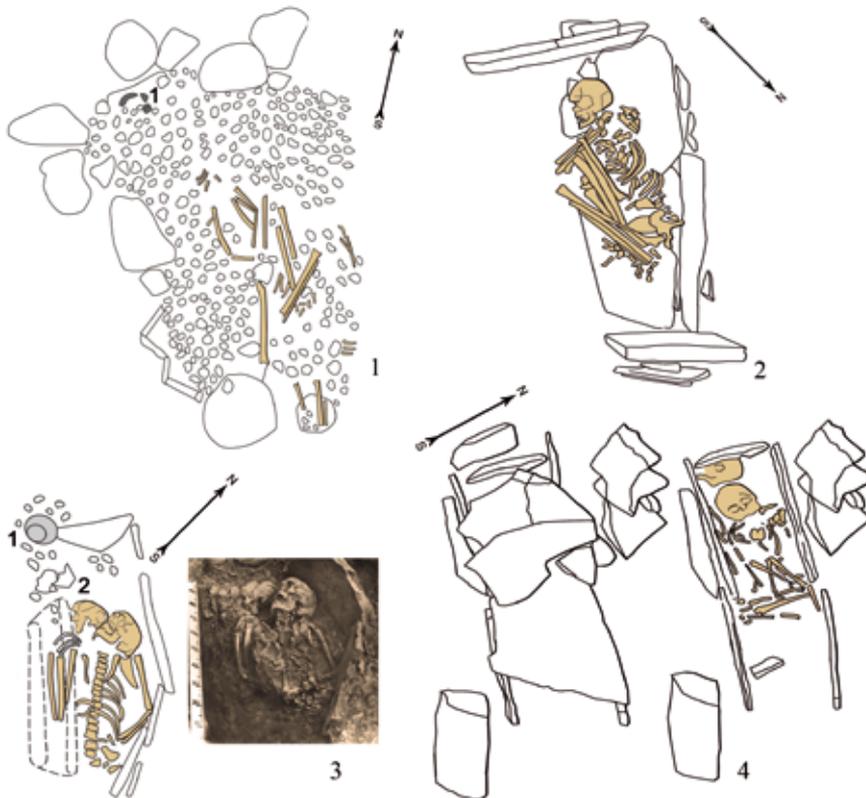


Рис. 2. Погребальные сооружения эпохи бронзы: 1 – захоронение в обложенной камнем яме (могильник Мысхако, погребение 72); 2 – захоронение на каменной вымостке с бортиками из каменных плиток (могильник Дюрсо, погребение 17); 3 – «примитивный» каменный ящик (могильник Мысхако, погребение 66); 4 – каменный ящик (могильник Дюрсо, погребение 16)

со стороны головы и ног погребенного (рис. 2.-2). Открыты и примитивные каменные ящики с ломаным контуром продольных стенок (рис. 2.-3). По-видимому, для увеличения прочности продольных стенок и устойчивости конструкции в целом в одном из ящиков для них были использованы излишне массивные плиты. Судя по материалам этих могильников, в эпоху бронзы сформировались и «классические», прямоугольные и квадратные в плане, каменные ящики (рис. 2.-4). Захоронения в этих гробницах могут быть как одиночными, так и коллективными асинхронными.

Некрополи рубежа эпохи бронзы и РЖВ неизвестны, отдельные комплексы этого периода обнаружены в труднодоступных местах полуострова Абрау (рис. 1.-3, 4). В частности, в верховьях р. Озерейка каменный ящик с одиночными захоронениями в скорченной позе оказался пристроен к кладке боковой крепиды мегалитического комплекса из трех плиточных дольменов (рис. 3).

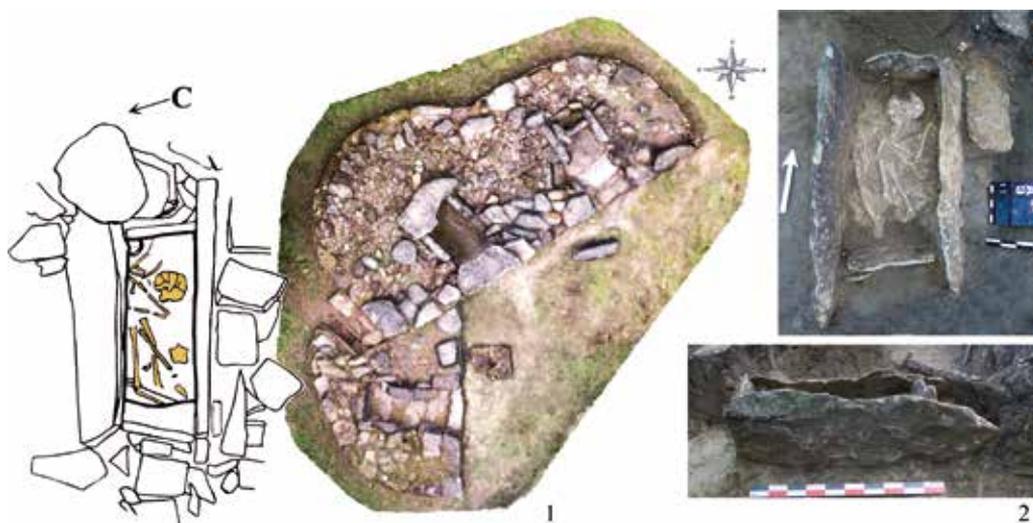


Рис. 3. Захоронения в каменных ящиках рубежа эпохи бронзы и РЖВ:
1 – дольменный комплекс (верховья р. Озерейка); 2 – урочище Даниленкова поляна

Стремительное распространение погребальных памятников аборигенного населения предгорий, косвенно свидетельствующих о росте плотности населения, датируется концом VII – началом VI в. до н.э. (рис. 4).

Как уже было отмечено во введении, ареал аборигенных некрополей этого периода очень обширен: их можно встретить на небольших мысовых площадках, перевалах, террасах широких долин рек Цемес, Озерейка, Анапка. В равнинных районах к северу от Горгиппии аборигенные некрополи располагаются на естественных возвышенностях или на покатах курганных насыпях эпохи бронзы [Алексеева, 1991, табл. 36].

Исследованные погребальные «поля» у хут. Рассвет, у пос. Владимировское, в устье Лобановой Щели показали высокую плотность захоронений. Для расположения гробниц характерна упорядоченная, довольно четкими рядами в меридиональном направлении, дислокация (рис. 5).

Захоронения аборигенных некрополей явно находились на древней дневной поверхности. В устье Лобановой Щели пространство между погребальными сооруже-

ниями оказалось заполнено обломками керамики, в основном античных закрытых сосудов, кувшинов и амфор VI–II вв. до н.э. (рис. 6). Как кенотафы или поминальные комплексы можно интерпретировать небольшие каменные ящики, в которых обнаружены сосуды и кости МРС (рис. 7.-2). Причем у столовой амфоры из ритуального комплекса в Широкой Балке дно было аккуратно отпилено, что позволяет предположить использование этого сосуда для ритуальных возлияний (рис. 7.-3). Как на «синдской» территории – на некрополе у пос. Воскресенский [Алексеева, 1991, с. 57, рис. 40], так и на могильниках керкетов и торетов (в Цемдолине, в Широкой Балке, в окрестностях ст. Раевской) известны находки жертвенных камней-эсхар – в виде каменных плит песчаника с небольшими тщательно обработанными отверстиями диаметром 10–20 см, в которых иногда сохраняется каменная пробка (рис. 7.-1).

Конструкции гробниц эпохи раннего железа явно продолжают традиции погребальных сооружений эпохи бронзы. Широкое распространение имеют захоронения в грунтовых ямах овальной или округлой в плане формы внутри кольцевой обкладки (рис. 4.-2, 3, 5; рис. 8.-1) [ср.: Новичихин, 2010, с. 192]. В одном из подобных комплексов в устье Лобановой Щели было обнаружено захоронение в традиционной для эпохи

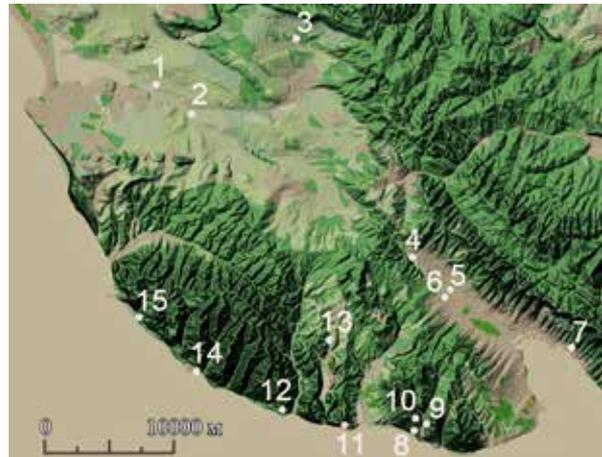


Рис. 4. Погребальные памятники аборигенного населения (синдов, керкетов-торетов) VII–IV вв. до н.э. на полуострове Абрау: 1 – ОПХ «Анапа»; 2 – хут. Рассвет; 3 – Родники; 4 – у пос. Владимировское; 5 – Золотая Рыбка (Цемесская долина); 6 – Борисовка; 7 – Шесхарис; 8 – устье Широкой Балки; 9 – «Ивушка»; 10 – холм Динамии; 11 – Лиманчик (перевал); 12 – у базы отдыха «Спутник»; 13 – могильник Большие Хутора; 14 – Солёное озеро (Дельфинарий); 15 – устье Лобановой Щели



Рис. 5. Могильник в устье Лобановой Щели: 1 – план исследованного участка некрополя; 2 – реконструкция комплексов

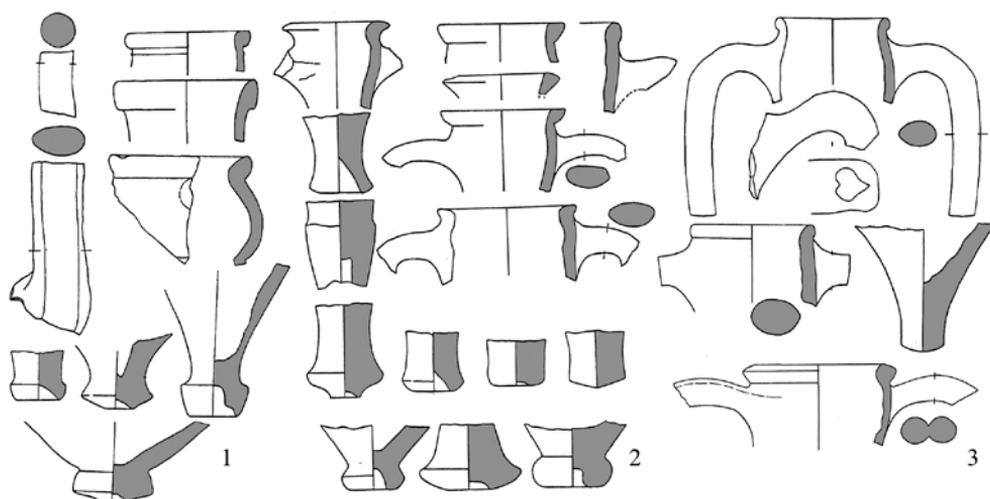


Рис. 6. Амфоры VI–II вв. до н.э. в культурном слое могильника в устье Лобановой Щели



Рис. 7. Поминальные комплексы на аборигенных могильниках: 1 – плита-эсхара; 2 – каменный ящик с ритуальной пищей; 3 – столовая амфора

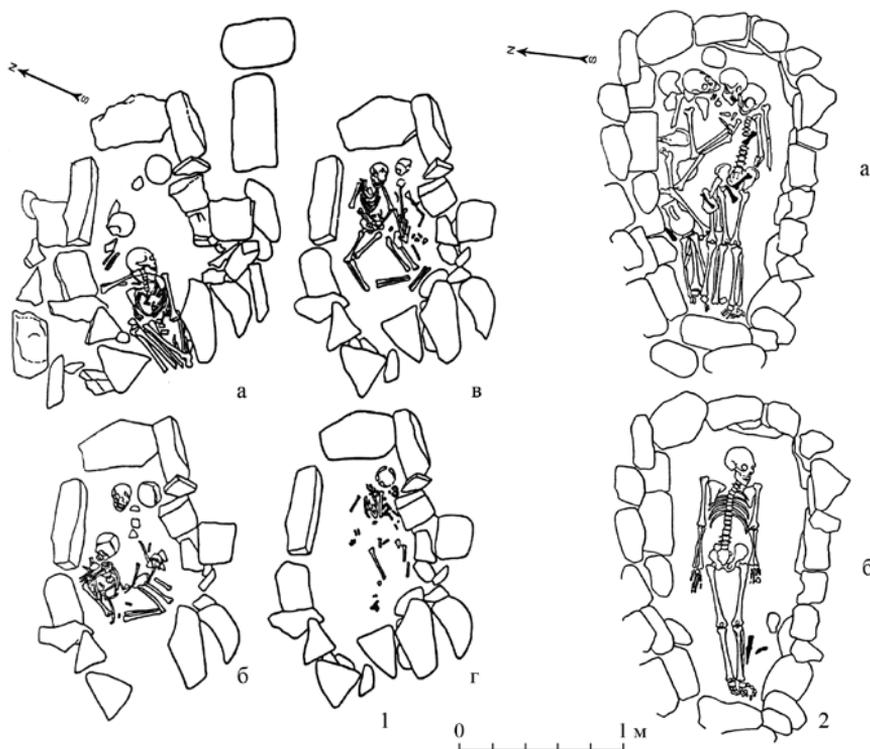


Рис. 8. Могильник в устье Лобановой Щели: 1 – многослойное захоронение в обложенной камнем яме (погребение 11); 2 – двухслойное захоронение в укрепленной каменной кладкой яме (погребение 1)

бронзы сильноскорченной позы (рис. 8.-1: з). По-видимому, как совершенствование этого типа погребальных сооружений можно рассматривать овальные в плане грунтовые ямы, стенки которых укреплены кладкой из уложенных горизонтально камней (рис. 8.-2).

В отличие от эпохи бронзы на аборигенных некрополях РЖВ господствуют гробницы в виде прямоугольного в плане каменного ящика, стенки которого, как правило, сложены из тонких, толщиной в пределах 0,1 м, плит известняка или песчаника [ср.: Новичихин, 2010, с. 193–194; Шишлов, Федоренко, 2006, с. 63]. В равнинных районах, где, с одной стороны, ощущался дефицит строительного камня, с другой – сооружения в меньшей степени подвержены склоновой деформации, пропорции каменных ящиков и использованный при их возведении строительный материал отличается большим разнообразием.

В более жестких стандартах выполнены камеры гробниц в устье Лобановой Щели. Каждую из продольных стен образуют две плиты, так что длинные концы выходят за пределы контура ящика, которые задают довольно узкие поперечные стенки. Своеобразным фундаментом сооружения, предохраняющим от воздействия склоновой деформации, является кольцевая кладка из крупных блоков или морских валунов. Она уложена по периметру камеры гробницы. Поверх плит перекрытия каменного ящика было принято также возводить овальную в плане нерегулярную многоярусную кладку из удлиненных и уплощенных камней. Они укладывались «постелью», наружу «тычком» с уклоном внутрь, поэтому в древности гробница имела пирамидальное завершение (рис. 5).

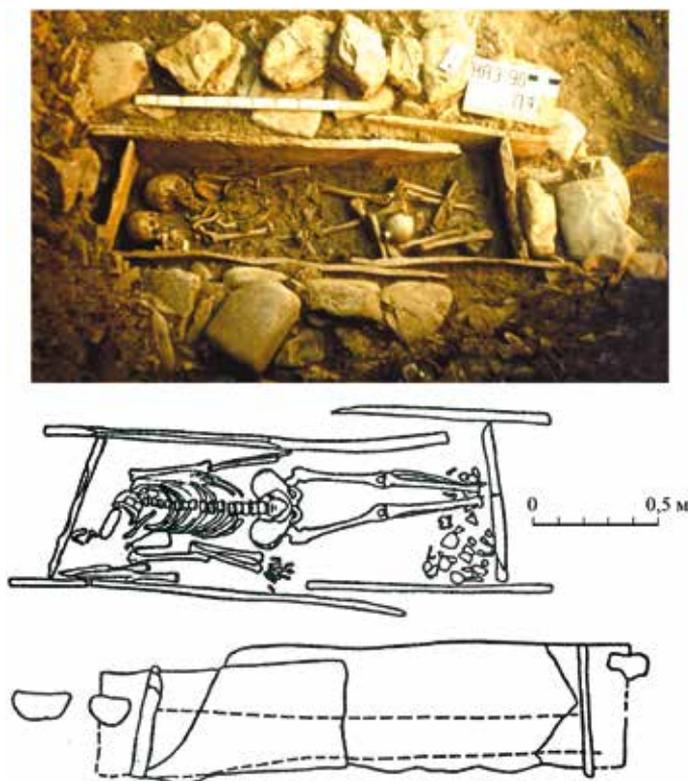


Рис. 9. Двухслойное захоронение в каменном ящике (погребение 9 могильника в устье Лобановой Щели)

ной дифференциации и формировании местной элиты в среде аборигенного населения в V–IV вв. до н.э. Два местонахождения с престижными вещами – комплексы чешуйчатых доспехов и художественных изделий из цветных металлов, датируемых в пределах V–III вв. до н.э., – зафиксированы в средней части Цемесской долины (рис. 4.-5, 6; рис. 11). Оба оказались удалены от основной площади могильника. Отсутствие остатков погребальных сооружений, связанных с этими местонахождениями, позволяет предположить, что они могли быть связаны с жертвенными комплексами.

Судя по упоминаниям в титулатурах боспорских правителей Левкона I (389/8–349/8 гг. до н.э.) и Перисада I (344/3–311/0 гг. до н.э.), о торетах, как о подвластном народе [КБН, №6, ба, 39, 40, 1014, 1037, 1038, 1042], в IV в. до н.э. население предгорий было вовлечено в орбиту боспорского влияния. Важным событием было появление на политической карте Боспора античной Горгииппии. Многочисленные подкурганые монументальные склепы, распространенные в ее окрестностях, – свидетели могущества горгииппийской знати (рис. 13). По-видимому, под влиянием античных погребальных традиций в этот период на полуострове Абрау получают распространение гробницы с короткими дромосами в узкой, торцевой части прямоугольной камеры (рис. 14).

Подобную эволюцию, по-видимому, претерпели и каменные ящики Крымского полуострова, которые обычно связывают с негреческим, в основном со скифским населением [Ольховский, 1991, с. 46–49, 137; Масленников, 1995, с. 60–62]. Близкие по

Как правило, гробницы представляли собой коллективные, в большинстве случаев асинхронные захоронения. Зачастую в погребальной камере зафиксированы два уровня антропологических остатков, возможно, несколько поколений одного семейного клана (рис. 9; рис. 10.-2). К группе аномальных можно отнести довольно редкие взрослые одиночные захоронения (рис. 10.-3) и небольшие по размеру каменные ящики тоже, как правило, индивидуальных детских захоронений.

Однообразие погребальных сооружений и погребального инвентаря на могильниках типа Рассвет, Лобанова Щель, Владимирский не позволяет судить о развитии социаль-

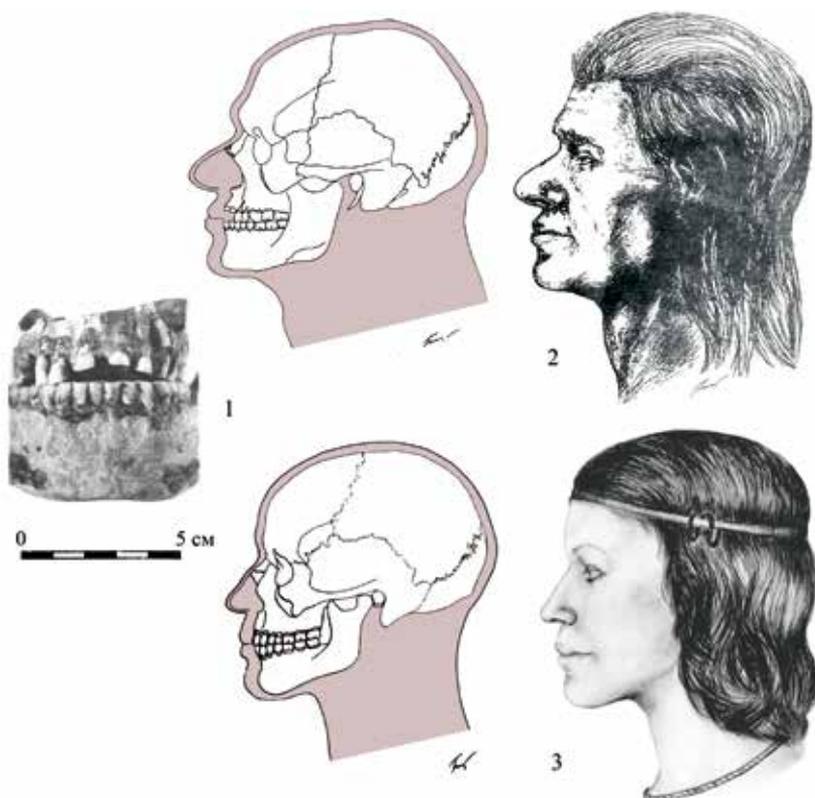


Рис. 10. Антропологические материалы могильника в устье Лобановой Щели: 1 – следы «сработанности» передних зубов; 2 – реконструкция внешнего вида мужчины эпохи РЖВ (выполнена к.и.н. Т.С. Балуевой); 3 – реконструкция внешнего вида женщины эпохи РЖВ (выполнена к.и.н. Т.С. Балуевой)



Рис. 11. Элитные комплексы с остатками защитного доспеха в Цемесской долине: 1 – V в. до н.э.; 2 – IV–III вв. до н.э.

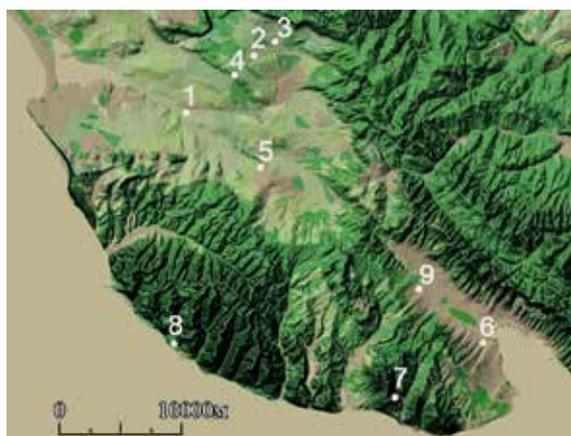


Рис. 12. Погребальные памятники аборигенного населения полуострова Абрау IV–II вв. до н.э.:

- 1 – пос. Рассвет; 2 – урочище Самойленко;
- 3 – Родники; 4 – Барашник; 5 – с. Раевское;
- 6 – ул. Астраханская (Новороссийск); 7 – холм Динамии; 8 – устье Лобановой Щели; 9 – Борисовка

конструкции погребальные сооружения IV–III вв. до н.э., названные А.А. Масленниковым протосклепами [Масленников, 1995, с. 44], открыты в курганных и грунтовых могильниках Восточного Крыма.

Немногочисленные семейные гробницы в виде каменных ящиков на полуострове Абрау зафиксированы и в эпоху эллинизма (рис. 12.-7, 9), в то время как ареал сооружений с боковым входом охватывает значительную часть полуострова Абрау (рис. 12.-1–6, 8). Изменения фиксируются и в топографии могильников: дистанцируются от более ранних участков; как правило, более значительно расстояние и между погребальными сооружениями эллинистического времени.

Заметное разнообразие погребальных сооружений исследовано в северо-восточной части региона, на могильнике Родники-1. Расположение гробниц на разных по высоте ступенчатых террасах позволяет интерпретировать это как отражение

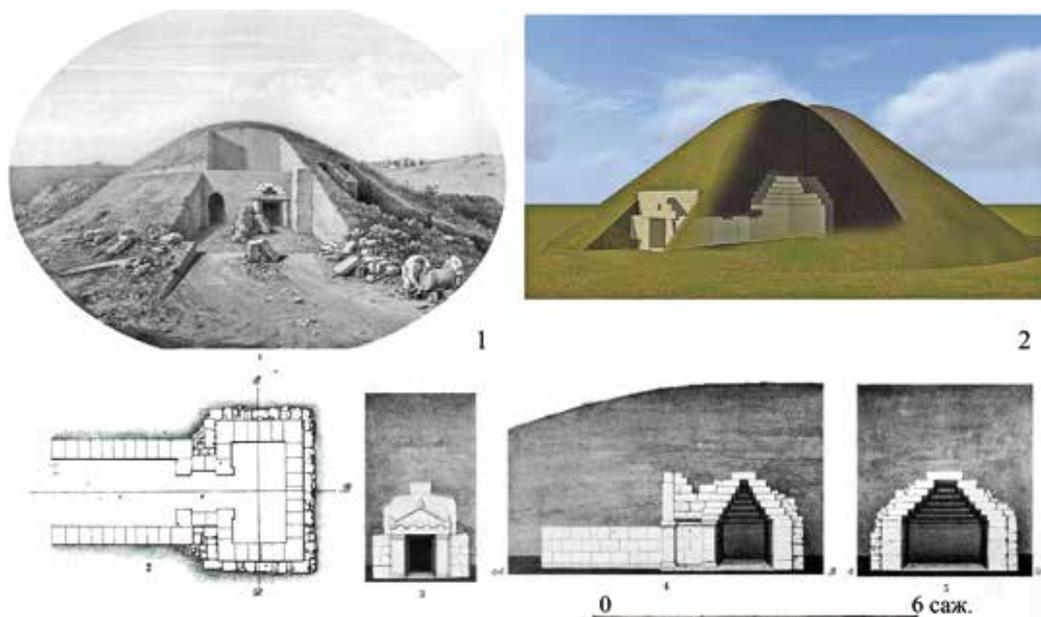


Рис. 13. Подкурганный античный склеп эпохи эллинизма (Третий Тарасовский курган, хора Горгипии): 1 – вид под курганной насыпью, план и разрез (рисунки Ф.И. Гросса); 2 – 3D-реконструкция подкурганного сооружения (выполнена В.В. Моором)

углубившейся в эпоху эллинизма социальной дифференциации. При исследовании комплекса гробниц, расположенных в самой возвышенной части некрополя, обнаружены три безынвентарных захоронения на боку, в разной степени скорченности. Тела были помещены в небольшую, размером 0,7×1,76 м, овальную в плане яму. Не исключено, что они принадлежали строителям этих погребальных сооружений (рис. 14).

Стены погребальных камер размером 0,8×2,2 м при высоте ок. метра образуют вертикально установленные плиты серого песчаника толщиной ок. 0,2 м. Лицевые, обращенные внутрь камеры поверхности имеют своеобразную ребристую фактуру, которая является результатом грубой отески поверхности плит топором-молотом (рис. 14). Диагональная ориентировка ребер типична для античной камнетесной техники [Wright, 2005, Fig. 89, 90]. Массивность сооружения и наличие дворика из длинных продольных плит напоминают известные в этом регионе в эпоху бронзы мегалитические сооружения. Однако вместо обычной для дольменных сооружений торцевой плиты портала с отверстием вход в погребальную камеру обозначен массивным блоком порогового камня.

Особого внимания во всех отношениях заслуживает склеп, исследованный в центральной части некрополя Родники-1. Удобный для обработки, но нетипичный для этого региона ракушечник позволил связать стыки продольных и поперечных плит с помощью специальных пазов (рис. 15.-1). В частности, пазы для поперечной плиты со стороны «дворика» вырезаны на внутренних поверхностях продольных плит, что обеспечило подвижность западной плиты в вертикальном направлении. Противоположный торец камеры, а также плита перекрытия имела выборку-«четверть».

Судя по сохранившемуся погребальному инвентарю, вытесанный боспорским мастером склеп оказался наиболее ранним сооружением этого типа на полуострове Абрау. Среди находок внутри камеры и возле «дворика» находились тарная керамика конца V – 1-й половины IV в. до н.э.: амфора (Фасос) раннебиконической серии (конец V – 1-я четверть IV в. до н.э.) [Монахов, 2003, с. 66, табл. 41.-5–7], хиосская амфора с небольшой колпачковой ножкой (1–3-я четверть IV в. до н.э.) [Монахов, 2003, с. 21–22, табл. 12.-1–3] (рис. 15.-3, 4). Близок по дате кольцевой поддон чернолаковой чаши (скифос) (середина IV в. до н.э.) [Sparkes, Talkott, 1970, №561]. Верхнюю границу комплекса задают золотые амфоровидные подвески: аналогии из Прикубанья широко бытуют в эллинистическую эпоху (III–II вв. до н.э.) [Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2010, с. 285, №237] (рис. 15.-2).

Наиболее монументальные погребальные сооружения с боковым входом-дромосом зафиксированы на правом берегу Шум-речки и в урочище Самойленко. Если для склепа на Шум-речке мы можем предложить реконструкцию большей или меньшей достоверности, то сооружение в урочище Самойленко сохранило основные конструктивные особенности (рис. 16.-1). Стены погребальной камеры образованы из установленных вертикально тщательно подогнанных друг к другу массивных плит. Для «обвязки» периметра поверх этих плит уложено два частично сохранившихся ряда массивных блоков. К сожалению, плиты перекрытия, которые должны были закрыть проем, шириной около 1,3 м, не обнаружены.

Сооружение было впущено в довольно крутой склон, перепад высот по длине сооружения составил ок. 1 м, причем вход и короткий, длиной 1,5 м, дромос был устроен в понижении. Вход в дромос и в камеру были отмечены каменными порошками. Об-

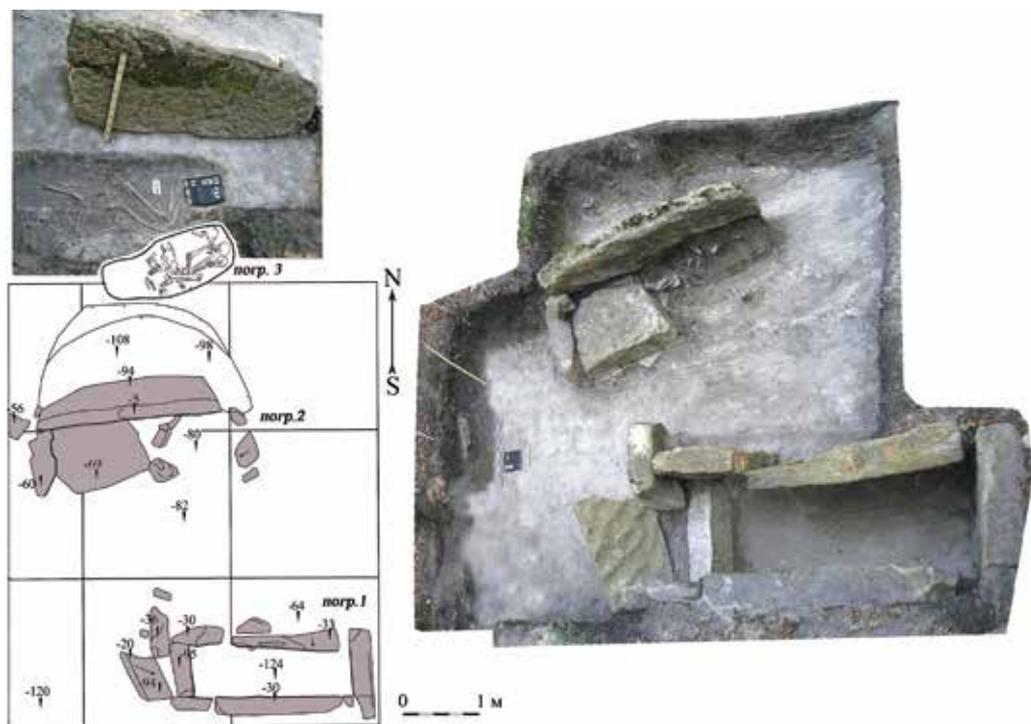


Рис. 14. Могильник Родники: погр. 1, 2 – остатки двух гробниц с боковыми входами; погр. 3 – коллективное захоронение в простой грунтовой яме

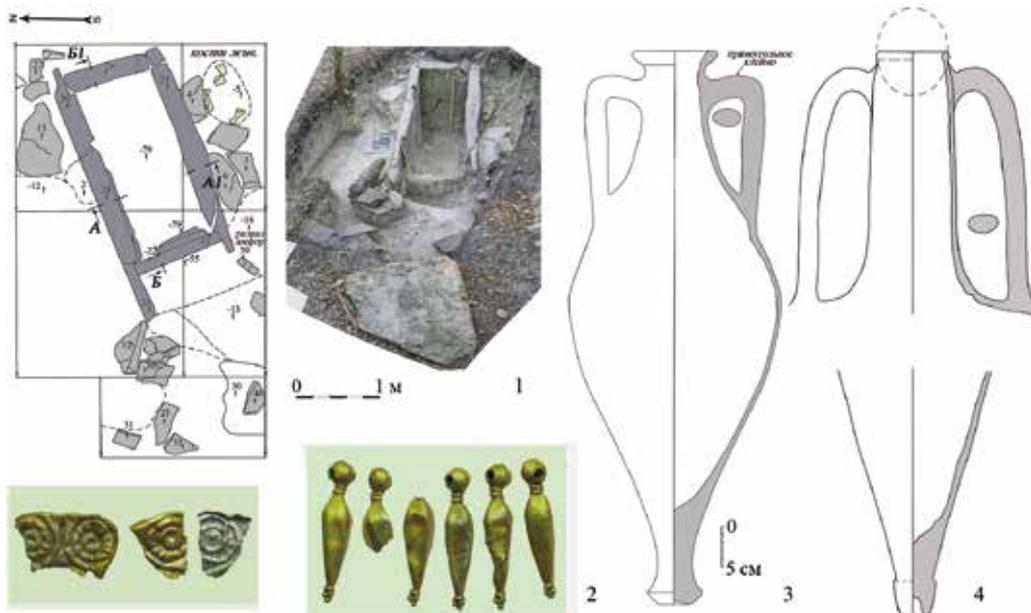


Рис. 15. Могильник Родники: 1 – гробница, вырезанная из ракушечника; 2, 3 – изделия из золота в погребальном инвентаре; 4, 5 – обнаруженные возле гробницы амфоры Фасоса и Хиоса



Рис. 16. Монументальный склеп в урочище Самойленко:
1 – вид с Юга; 2, 3 – разрезы; 4 – ручка синопской амфоры с клеймом

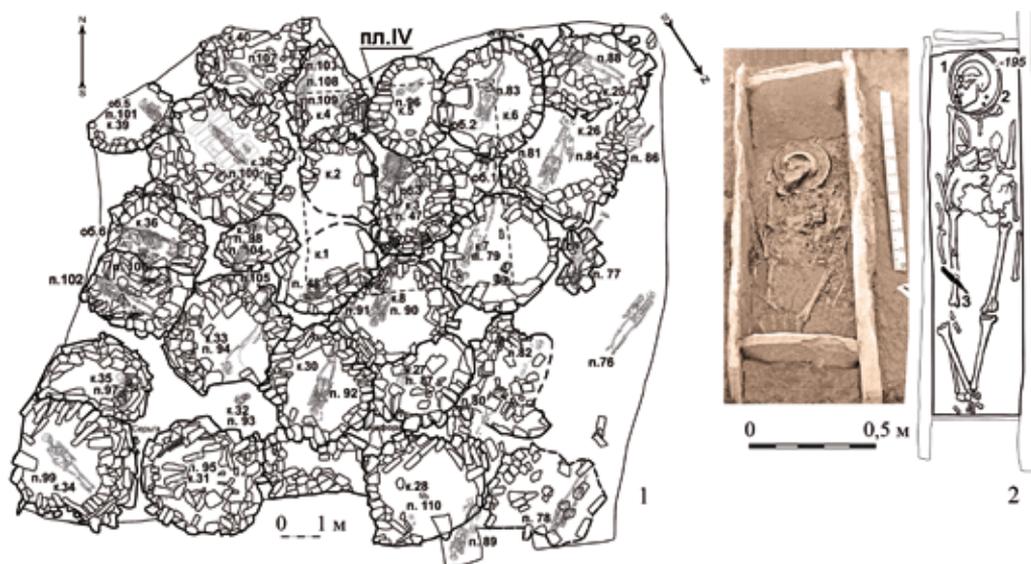


Рис. 17. Могильник в Широкой Балке римского времени:
1 – кольцевые кладки над погребальными комплексами;
2 – захоронение в каменном ящике по меотскому обряду (миска под головой)

наруженное в заполнении гробницы трехстрочное клеймо на синопской амфоре 1-Е [ср.: Монахов, 2003, с. 148, табл. 101.-3] (рис. 16.-4) позволяет датировать бытование гробницы 2-й половиной IV – началом III в. до н.э.

Выводы

Не вызывает сомнения, что могильники аборигенного населения полуострова Абрау конца VII – начала IV в. до н.э. продолжают традиции населения предгорий эпохи бронзы, для которых характерно широкое применение камня в погребальных сооружениях.

Контакты обитателей предгорий с античным миром получают развитие не позже середины VI в. до н.э. Однако осязаемое воздействие на традиционный быт фиксируется по мере продвижения границ Боспорского государства на юго-восток. Одним из наиболее значимых результатов этого процесса явилось складывание в середине IV в. до н.э. местной эллинизированной элиты.

С ведома правителей Боспора в эпоху эллинизма степные пространства Анапской долины были освоены выходцами из степных районов Прикубанья [Мальшев, 1995, с. 151–157], которые, судя по материалам оставленного ими могильника в окрестностях Раевского городища, принесли сюда обряд захоронения в грунтовых ямах и подбойных могилах. К рубежу эр эта погребальная культура стала канонической практически для всего полуострова Абрау. Только в погребальных комплексах некрополей юго-запада региона в Южной Озерейке и Широкой Балке отмечено причудливое переплетение традиций: подбойные захоронения под кольцевыми конструкциями, в одном из каменных ящиков у погребенной согласно меотским обычаям под голову была поставлена миска (рис. 17).

Библиографический список

- Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М. : Наука, 1991. 144 с.
- Блаватский В.Д. Древнейшее свидетельство о Синдике // *Античная археология и история*. М. : Наука, 1985. С. 55–58.
- Дмитриев А.В. Отчет о раскопках в пос. Мысхако близ г. Новороссийска (могильник и поселение) в Краснодарском крае в 1979 г. // *Архив ИА РАН*. Ф-1. Р-1. №10758. 175 л.
- Иванов А.В. Племена региона Анапы – Новороссийска и меоты. Сопоставление // *Древности Боспора*. 2016. №20. С. 260–268.
- Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // *Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М. : Наука, 1989. С. 224–251.
- Кононенко А.П. Отчет о исследовании могильника эпохи бронзы в устье реки Дюрсо в 1982 г. // *Архив ИА РАН*. Ф-1. Р-1. №10614. 13 л.
- Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. М. : МОПИ, 1970. 252 с.
- Лесков А.М. Горный Крым в I тысячелетии до н.э. Киев : Наукова Думка, 1965. 198 с.
- Мальшев А.А. К вопросу о причерноморской локальной группе меотской культуры // *Боспорский сборник*. 1995. №6. С. 151–157.
- Мальшев А.А., Батченко В.С. Полуостров Абрау в античную эпоху (историографический очерк) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2018. №4 (62). С. 78–93.
- Масленников А.А. Каменные ящики восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.) // *Боспорский сборник*. М. : Институт археологии РАН, 1995. Вып. 8. 124 с.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров – экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М. ; Саратов : Киммериды : Изд-во Сарат. ун-та, 2003. 352 с.

Мордвинцева В.И., Хачатурова В.И., Юрченко Т.В. Предметы торевтики и ювелирные украшения Кубани // Сокровища Древней Кубани. Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Вып. 4. Симферополь : Универсум, 2010. С. 9–50.

Новичихин А.М. Погребальный обряд и планиграфия некрополя у хутора Рассвет // Население архаической Синдики по материалам некрополя у хутора Рассвет. Некрополи Черноморья. Т. III. М. : Гриф и К., 2010. С. 204–234.

Ольховский В.С. О населении Крыма в скифское время // Советская археология. 1982. №4. С. 61–81.

Онайко Н.А. Отчет о работе Новороссийско-Геленджикской экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №7970. 78 л.

Сударев Н.И. Отчет о результатах археологических исследований на поселении Вестник-1 в 2012 г. (Анапский район Краснодарского края) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №36127. 173 л.

Шишлов А.В., Федоренко Н.В. Погребальный обряд племен Северо-западного побережья Кавказа в конце VII – V вв. до н.э. (по материалам Владимирского могильника) // Аргонавт. Черноморский исторический журнал. 2006. №2. С. 63–73.

Sparces B.A., Talcott L. Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. // The Athenian Agora. Vol. XII. Princeton : New Jersey, 1970. 472 p.

Wright G.R.H. Materials // Ancient Building Technology. Vol. 2. Part 2. in: Technology and Change in History. Vol. 7/2. Leiden-Boston, 2005. 167 p.

References

Alekseeva E.M. Grecheskaya kolonizaciya Severo-Zapadnogo Kavkaza [Greek Colonization of the Northwest Caucasus]. М. : Nauka, 1991. 144 з.

Blavatskij V.D. Drevnejshee svidetel'stvo o Sindike [The Oldest Testimony of the Syndic]. Antichnaya arheologiya i istoriya [Ancient Archaeology and History]. М. : Nauka, 1985. Pp. 55–58.

Dmitriev A.V. Otchet o raskopkah v pos. Myshako bliz g. Novorossiyska (mogil'nik i poselenie) v Krasnodarskom krae v 1979 g. [The Report on the Excavations in the Myskhako Village near Novorossiysk (burial ground and settlement) in the Krasnodar Territory in 1979]. Arhiv IA RAN [Archive of the IA RAS]. F-1. R-1. №10758. 175 l.

Ivanov A.V. Plemena regiona Anapy – Novorossiyska i meoty. Sopostavlenie [The Tribes of the Anapa Region – Novorossiysk and Meots. Comparison]. Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]. 2016. №20. Pp. 260–268.

Kameneckij I.S. Meoty i drugie plemena Severo-Zapadnogo Kavkaza v VII v. do n.e. – III v. n.e. [The Meots and Other Tribes of the North-West Caucasus in the 7th Century BC – the 3rd Century AD]. Stepi Evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [The Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. М. : Nauka, 1989. Pp. 224–251.

Kononenko A.P. Otchet o dosledovanii mogil'nika epohi bronzy v ust'e reki Dyurso v 1982 g. [Report on the Additional Investigation of the Bronze Age Burial Ground at the Mouth of the Dyurso River in 1982]. Arhiv IA RAN [Archive of the IA RAS]. F-1. R-1. №10614. 13 l.

Krushkol Yu.S. Drevnyaya Sindika [Ancient Sindica]. М. : MOPI, 1970. 252 p.

Leskov A.M. Gornyj Krym v I tysyacheletii do n.e. [Mountainous Crimea in the 1st Millennium BC]. Kiev : Naukova Dumka, 1965. 198 p.

Malyshev A.A. K voprosu o prichernomorskoj lokal'noj gruppe meotskoj kul'tury [On the question of the Black Sea Local Group of the Meotian Culture]. Bosporskij sbornik [The Bosporan collection]. 1995. №6. Pp. 151–157.

Malyshev A.A., Batchenko V.S., Poluostrov Abrau v antichnuyu epohu (istoriograficheskij ocherk) [The Abrau Peninsula in the Antique Era (historiographical sketch)]. Problemy istorii, filologii, kul'tury [The Issues of History, Philology, Culture]. 2018. №4 (62). Pp. 78–93.

Maslennikov A.A. Kamennye yashchiki vostochnogo Kryma (K istorii sel'skogo naseleniya Evropejskogo Bospora v VI–I vv. do n.e.) [Stone Boxes of Eastern Crimea (To the history of the rural population of the European Bosporus in the 6th – 1st centuries BC)]. Bosporskij sbornik [Bosporan Collection]. М. : Institut arheologii RAN, 1995. Issues 8. 124 p.

Monahov S.Yu. Grecheskie amfory v Prichernomor'e: tipologiya amfor vedushhih centrov – eksport-erov tovarov v keramicheskoy tare: katalog-opredelitel' [Greek Amphorae in the Black Sea Region: Typology of the Amphorae of the Leading Centers – Exporters of Goods in Ceramic Containers: Catalog-Key]. M. ; Saratov : Kimmerida : Izd-vo Sarat. un-ta, 2003. 352 p.

Mordvinceva V.I., Hachaturova V.I., Yurchenko T.V. Predmety torevniki i yuvelirnye ukrasheniya Kubani [Items of Toreutics and Jewelry of the Kuban]. Sokrovishha Drevnej Kubani. Drevnyaya torevnika i yuvelirnoe delo v Vostochnoj Evrope [Treasures of the Ancient Kuban. Ancient Toreutics and Jewelry in Eastern Europe]. Issue 4. Simferopol' : Universum, 2010. Pp. 9–50.

Novichihin A.M. Pogrebal'nyj obryad i planigrafiya nekropolya u hutora Rassvet [Funeral Rite and Planigraphy of the Necropolis near the Rassvet Farm]. Naselenie arhaicheskoy Sindiki po materialam nekropolya u hutora Rassvet. Nekropoli Chernomor'ya [The Population of Archaic Sindica Based on the Materials from the Necropolis near the Rassvet Farm. Necropolises of the Black Sea]. Vol. III. M. : Grif i K., 2010. Pp. 204–234.

Ol'hovskij V.S. O naselenii Kryma v skifskoe vremya [About the Population of the Crimea in the Scythian Time]. Sovetskaya arheologiya [Soviet Archeology]. 1982. №4. Pp. 61–81.

Onajko N.A. Otchet o rabote Novorossiysko-Gelendzhikskoj ekspedicii v 1979 g. [Report on the Work of the Novorossiysko-Gelendzhik Expedition in 1979]. Arhiv IA RAN [Archive of the IA RAS]. F-1. R-1. №7970. 78 l.

Sudarev N.I. Otchet o rezul'tatah arheologicheskikh issledovanij na poselenii Vestnik-1 v 2012 g. (Anapskij rajon Krasnodarskogo kraja) [Report on the Results of Archaeological Research at the Vestnik-1 Settlement in 2012 (Anapa district, Krasnodar region)]. Arhiv IA RAN [Archive of the IA RAS]. F-1. R-1. №36127. 173 l.

Shishlov A.V., Fedorenko N.V. Pogrebal'nyj obryad plemen Severo-zapadnogo poberezh'ya Kavkaza v konce VII – V v. do n.e. (po materialam Vladimirsokogo mogil'nika) [The Funeral Rite of the Tribes of the North-Western Coast of the Caucasus at the End of the 7th – 5th Centuries BC (based on materials from the Vladimir burial ground)]. Argonavt. Chernomorskij istoricheskij zhurnal [Argonaut. Black Sea Historical Journal]. 2006. №2. Pp. 63–73.

Sparces B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries BC. The Athenian Agora. Vol. XII. Princeton : New Jersey, 1970. 472 p.

Wright G.R.H. Materials. Ancient Building Technology. Vol. 2. Part 2. in: Technology and Change in History. Vol. 7/2. Leiden-Boston, 2005. 167 p.

A.A. Malyshev, S.S. Gorlanov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

BURIAL CONSTRUCTIONS OF THE POPULATION OF THE ABRAU PENNINSULA IN THE EARLY IRON AGE

Cultural and ethnic belonging and ethnogenesis of inhabitants of the Black Sea foothills of Northern-Western Caucasus is an object of long-time discussions. Patterns of funeral constructions of Anapa-Novorossiisk neighbourhood in the Iron Age could provide diametric different conclusions. Study of data of the Early Iron Age funeral constructions helps to discover traditions of the population of the Abrau peninsula of the Bronze Age, who used stone for burial places. Remarkable change of ancient tradition connected with replacement and assimilation of aborigines appeared after the middle of the 4th century BC with the distribution of the Bospor Kingdom influence in the region. Archaeological material demonstrates appearance of the local “ellinistic” elite and the cultivation of the steppe space of the Anapa valley by the settlers from the Kuban region. They brought burial rite in ground pits and in tombs. At the beginning of new millennium burial culture became standard for all Abrau peninsula. Only in the necropolises of the south-west of the region it intricately intertwined with the traditions of the aboriginal population of the foothills.

Key words: burial rite, Bospor kingdom, tomb, the early Iron Age, foothills, Northern Caucasus